

Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ.

они были первыми исследователями по истории Малороссии. Во всякой библиотеке, претендующей на некоторую полноту, вы найдете сочинения этих историков; но они настолько устарели, что их никто уже не читает. Труды их являлись заплатами в русской историографии, каковы — то анахронизмы. Они были поны одно- временно, предмет исторія Бантышъ-Каменскаго выдержана несколько изданий. Б.-Каменскій был известен, какъ собираеиъ и издатеиъ памятниковъ. Онъ близокъ сѣ- ялъ къ архиву министерства иностранныхъ дѣлъ и, благодаря этому, его исторія, несмотря на слабую сторону изложения, имѣетъ то достоинство, что представляетъ собраніе матеріала, если не критически проработаннаго, то извлеченнаго изъ такого хранилища, которое пользуется всеобщей извѣстностью. „Исторія Малороссіи“ Марке- вича въ 5 томахъ, изъ которыхъ два заклю- чаютъ въ себѣ собственно исторію, а три состо- ятъ изъ приложений, — исторія же, несмотря на то, что въ 3 тома одного матеріала, далѣ- ко не отличается такими документальными направленіями, какъ сочиненіе Б.-Каменска- го. Т. О. Картовъ посвятилъ цѣлую книгу этимъ двумъ исследователямъ. Многое изъ сказаннаго имъ имѣетъ значеніе. Напримѣръ, относительно Маркевича онъ говоритъ, что приложенный къ его сочиненію матеріалъ

не всегда внушаетъ доверіе, такъ какъ авторъ пользовался по большей части неподлинными матеріалами, а копіями, списками. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія многіе интересовались мажарусскою исторіей, и, за неимѣніемъ лучше или менѣе систематическаго сочиненія по этому вопросу, ходило по рукамъ много рукописей лотаринскихъ епископовъ; между прочими, извѣстная „Мѣсторія Руссовъ“, приписываемая мажарусскому епископу Георгію Конисскому. Этими-то списками, — конечно уже не въ вторыхъ и даже третьихъ рукъ, и потому не всегда точными, пользовался Маркевичъ. Свое изложеніе у оцнръ мажарусскихъ историковъ неудовлетворительно съ точки зрѣнія современной исторической критики. Слово Маркевича только извѣстныя, риторичныя, слышъ у Б.-Каменскаго, но критическаго содержанія ни у того, ни у другого мы не находимъ. Неудивительно, потому, что публикѣ давно пересѣла удовлетворяться этими сочиненіями. Между тѣмъ, въ 40-хъ годахъ исторія мажароссій получила особое значеніе, въ особенности юго-западная Русь, исключая Кіева, такъ какъ этотъ край до конца XVIII вѣка находился подъ властью Польши и былъ сильно ополченъ, а мажарусская народность подверглась сильному вліянію польскаго языка, религій и цивилизаціи. Угнетенное населеніе подняло голову, и начинается новая эра въ исторіи этого края. Правда, движеніе еще продолжало существовать крѣпостное

право, но при императоре-губернаторе Бибикове положение крестьян было облегчено. Интерес к своей стране, пробудившийся теперь в русско-русском обществе, отразился в научных изысканиях. С одной стороны, из политических соображений, из желаний доказать, что здешнее население было исконно русское, а не польское, а с другой стороны чисто научной целью приняв за обработку истории юго-западной Руси. Самыми видными представителями юго-западной русской историографии являются Иваницев и Максимович.

Н. Д. Иваницев - уроженец города Киева. Долгое время спустя, уже после того, как Иваницев находился в отставке, указывали в Киев доминировать с тремя окнами науки, где он родился и жил. Родился он в священнической семье, хотя сам был дворянского происхождения - он был младшим сыном. Это происхождение касалось не него и некоторую печаль. Он воспитывался в Киевской духовной семинарии, а затем начальство выбрало его, как ученика, для отправления в одно учебное заведение, называвшееся "высший педагогический институт". Это заведение представляло собой нечто вроде университета, или высшего учебного заведения профессоров.

Сам Иваницев должен был жить почти в 4-х стенах, так как заведение было закрытое. Заинтересовано, что Иваницев никогда не получал из поведения отливку "подт";

причиной этому, быть может, был тот юмор, который он обладал в высшей степени и который, вероятно, не нравился начальству. Быть может, поэтому он не получил и медали; но, несмотря на то, его от правили за границу для усовершенствования в знаниях. По возвращении оттуда он был назначен адъюнктом в Киевский университет и попадает здесь под теплое крылышко, покровительствовавшего ему, тогдашнего ректора университета. Кроме ректора, у него был другой горячий покровитель — профессор Кевинич. Еще будучи за границей, где он путешествовал в одно время в Трановский, он приобрел любовь к славянским древностям и истории. Здесь же Иван Шевцов положил начало прочному знакомству с нашими славянскими законодателями. Через несколько времени он должен был выдержать докторский экзамен (тогда еще требовалось выдержать докторский экзамен). Профессор Романович-Славянский, написавший его биографию, подробно описывает этот экзамен («Муж и деятельность Н. Ф. Иванова» Романовича-Славянского. „Древняя и новая Россия“ 1876 г. т. I и II.). После этого Иван Шевцов преподавал различные науки на юридическом факультете. Преподавательская деятельность Иванова не имела такого значения, как его общественная и научная деятельность. Нужно указать здесь на некоторые его сочинения. Ветер его сочинения были основаны на тех докумен-

тахъ Кіевскаго центрального архива, кото-
 рые онъ собралъ самъ и началъ разрабаты-
 вать. Онъ работалъ въ кіевской археографи-
 ческой комиссіи, которой онъ служилъ бо-
 лѣе 20 лѣтъ - сначала дѣлопроизводителемъ
 и редакторомъ юридическихъ памя-
 тниковъ, а потомъ ставшимъ редакторомъ
 и вице-председателемъ. „Съ М. А. Махемшо-
 вичемъ, говоритъ Д.-Славатинскій, онъ раздѣ-
 ляетъ честь созданія науки русской юго-западной
 исторіи, для изученія которой онъ собралъ и ор-
 ганизовалъ неиссякаемые источники“. Задачи
 археографической комиссіи были слѣдующія:
 1, собраніе, группировка и храненіе писемныхъ
 памятниковъ; 2, изданіе и научная разработ-
 ка ихъ и 3, добываніе и изданіе памятниковъ
 предметныхъ. Изъ которыхъ изъ трудовъ Ива-
 ниева стали появляться въ „Памятни-
 кахъ“ и начали появляться въ „Архивѣ юго-
 западной Руси“, задуманномъ Иваномъ
 и продолжающемся до сихъ поръ. Для
 изданія актовъ кіевскаго архива, рѣшено бы-
 ло раздѣлить матеріалъ на группы, ре-
 катать систематически и сопроводить
 каждую группу вступленіемъ, обзорнымъ
 документовъ. Такимъ образомъ, при каде-
 кой группѣ матеріаловъ должна была по-
 явиться цѣлая статья, основанная на
 этихъ матеріалахъ. Къ чему подобныя ра-
 боты Иванова нужно отнести дѣло:
 1, акты, или „постановленія дворянскихъ
 провинціальныхъ сеймовъ юго-западной Рос-
 сіи“ и 2, „акты, относящіеся къ исторіи

православной церкви юго-западной России", между которыми, между прочимъ, изданы и акты объ униі. Обѣ эти работы представляютъ глубокий интересъ для изслѣдователей юго-западной русской исторіи. Въ актахъ объ униі мы знакомимся подробно, на основаніи документальныхъ данныхъ съ этими важными для края событіями. Въ статьѣ своей „Объ униі“ (Русская Бесѣда - 1858, №3) Иванъшевъ доказываетъ, что униі имѣетъ политическую подкладку и, поэтому, была навязываемая силой. „Полюбские политики, говоритъ Иванъшевъ, видя возрастающее могущество московскаго государства и религиозное сочувствіе къ нему юго-западной Руси, полагаютъ, что униі уничтожитъ эту моральную связь между двумя единоплемениными и единовѣрными народами.... Чтобы распространить католичество и приготовить народъ къ принятію униі, польское правительство предоставило іезуитамъ воспитаніе западно-русскаго дворянства. Эти истинные педагоги направляютъ все свои усилія къ тому, чтобы ослабить въ своихъ воспитанникахъ народныя элементы и тѣмъ сдѣлать ихъ способными къ принятію новыхъ началъ, выработанныхъ католическими западниками. Молодые дворяне, воспитанные іезуитами, легкомысленно отреклись отъ своей вѣры, забывши родной языкъ и смотрѣвшими презрѣніемъ на все, что только имѣло на себѣ печать русской народности. Отъ этого разорвана была внутренняя, моральная связь между

аристократіей и народами; осталась одна вѣн-
ная юридическая связь, основанная на законѣ, под-
чинявшая простой народъ неограниченной вла-
сти аристократовъ; и когда народное возста-
ніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ,
разорвало и эту послѣднюю связь, то ни одинъ
воинъ не смелъ не раздаться въ народъ въ защиту
аристократіи, отрекшейся отъ своей вѣ-
ры и презрѣвшей свою народность". Въ 1860 го-
ду кievская археографическая коммиссія изда-
ла отдѣльной книжкой статью Иванова:
"постановленія дворянскихъ провинці-
альныхъ сеймовъ юго-западной Россіи"; ко-
торая вошла потомъ во вторую часть Ар-
хива. На основаніи постановленій сеймовъ
Ивановъ разъяснилъ, какъ западно-русскіе
дворяне называли себя прежде народомъ
русскимъ, безъ различія въ происхожденіи
и какъ мало-по-малу исповѣдывавшіе ка-
толичество начали переименовываться въ
народъ польскій; какъ первоначальный, чи-
сто федеративный союзъ Литвы и юго-запад-
ной Россіи съ Польшей былъ измѣненъ поста-
новленіемъ Люблинскаго сейма въ 1569 году.
"Этимъ постановленіемъ юго-западная Рос-
сія присоединена была къ Польшѣ (говоритъ
Ивановъ) въ видѣ провинціи; но это при-
соединеніе не можетъ быть названо доброволь-
нымъ, такъ какъ оно вызвано было угрозою
конкорискаціи дворянскихъ имѣній... Колони-
зирование западно-русскаго дворянства, под-
готовленное іезуитскимъ востаніемъ, на-
чалось быстро усмищаться, привлеченные дворяне,

переходившие въ католическую вѣру, уже начали считать себя поляками и такое заблужденіе, укоренившееся въ общественномъ мнѣніи, продолжается до настоящаго времени, такъ что потомки древнихъ русскихъ дворянъ и даже владѣтельныхъ князей русскихъ считаются поляками, если только исповѣдуютъ католическую вѣру. Эти природные русскіе дворяне, отрекшіеся отъ своей народности и скрывшіе свое отечественное помя русскостраннымъ названіемъ, разорвали внутреннюю моральную связь съ западно-русскимъ народомъ и съ тѣмъ поръ перестали бытъ истинными его представителями". Еще больше возбудила шума классическая работа Иванова „О древнихъ сѣвскихъ общинахъ юго-западной Руси" (Русская Бесѣда 1857 №3). Напечатаніе этой статьи было весьма своевременно. Это было время знаменитой полемики о русской общинѣ между Бѣляевымъ и Лигеринскимъ, Чернышевскимъ и Вернадскимъ. „Русская Бесѣда" стояла на сторонѣ воззрѣній Бѣляева, доказывавшаго, вопреки Лигерину, что древне-русская община - самобытное и органическое национальное установленіе, а не искусственное созданіе административной власти. Разработывая западно-русскіе акты XV, XVI и XVII столѣтій, Ивановъ наосновѣ сльдѣ существованія общинно-вѣчевыхъ, конныхъ судовъ въ то позднее время, когда уже полвекъ поръ докъ поднималъ себя всю юго-западную Русь. Эти общинно-вѣчевые суды держались на старомъ об-

что, на столько приращенно на ряду,
 что онъ уперно сохранялъ его, несмотря
 на стремленіе шведской полви унижо-
 житъ его. Такимъ образомъ, неопровержи-
 мо подтверждалось значеніе общиннаго ка-
 чества въ внутреннемъ строе руси, въ древ-
 нѣмъ и среднемъ периодѣ ея существованія.
 Компетенція древнихъ кунъ юго-западной
 руси была очень обширна; она простира-
 лась даже на дѣла уголовныя; она въ-
 дава, напримѣръ, дѣла о жертвѣхъ юлахъ,
 найденныхъ въ тѣхъ или другой деревнѣ.
 Книга Иванничева объ общинѣ и родинѣ
 поръ имѣетъ значеніе; концы суда имѣ-
 ютъ болѣе распространеніе; она существо-
 вала даже въ сѣверо-западной руси. На-
 конецъ, не касаясь другихъ работъ Ива-
 нищева, посвященныхъ строго-юридиче-
 скимъ вопросамъ, укажемъ на его предисло-
 віе къ изданію Кіевской комиссіи - "Жизнь
 князя Курбского въ Лиувъ и на Волынѣ".
 Иванничевъ для этого изданія рассмотрѣлъ
 17 актовъ книгъ дукнхъ и владимиро-
 скихъ и попустилъ въ остатокъ 39 книгъ
 уряда кременецкаго. Акты переведены
 имъ самимъ на современный русскій языкъ,
 помѣщены примѣчанія, поясняющія тех-
 ническіе термины. Иванничевъ совершилъ
 много экскурсій съ цѣлью отыскиванія
 по провинціямъ различныхъ племенныхъ
 памятниковъ старинныя и сдѣлавъ мно-
 го важныя и цѣпныя археологиче-
 ские исторіографіи 24. лекц. пр. багалъ мѣсь 46

скихъ раскопокъ, хотя не получивъ спеціаль-
ной археологической подготовки. Въ октябрѣ
1874 года Николай Флентриевичъ Ивановичъ
скончался, проведя послѣдніе годы въ самомъ
аскетическомъ уединеніи отъ всего окружаю-
щаго, причиной чему послужила его не-
удача въ комиссіи по составленію про-
екта реформы въ царствѣ польскомъ по
слѣ польскаго возстанія. Въ этой ком-
иссіи онъ былъ председателемъ юриди-
ческаго отдѣленія. Изъ сказаннаго мы
видимъ, что число трудовъ Иванова
невелико по количеству и объему,
но они очень цѣнны и положили нача-
ло документальной разработкѣ южно-
русской исторіи. Его работы были про-
должены профессоромъ Антоновичемъ.
Другой представителю южно-русской исто-
риографіи, бывшій ректоръ кievскаго уни-
верситета — Максимовъ.
Интересна его судьба: сначала онъ из-
бранъ своею спеціальностью естествен-
ной науки. Это былъ представитель ста-
рой традиціи, другъ Жуковскаго, Пуш-
кина, Славяновъ, въ чинѣ антаго-
нистъ и вѣдьствовавшихъ большой при-
дѣлъ Погодина, находившихъ съ нимъ въ
постоянной, ожесточенной и дружеской,
можно сказать, борьбѣ. Онъ извѣстенъ
въ области южно-русской словесности,
даже въ области географіи, топогра-
фіи и археологіи. Въ настоящее время
его сочиненія изданы въ 3^{хъ} томахъ. Его

весьма основательно называли всерусско-
 русскимъ университетомъ, такъ какъ онъ
 совмѣщавъ въ себѣ три спеціальности. Онъ
 былъ весьма, по этому, разносторонень, и
 притомъ эта разносторонность была не
 поверхностная, онъ обладалъ фактиче-
 скими, иногда широкими, глубокими дан-
 ными, его работа представляла, говорилъ
 его словами, кирпичи для будущаго зда-
 нія русско-русской исторіи; но этииъ
 характеромъ нисколько не умаляетъ
 значеніе его работъ: „кирпичи“ эти обоже-
 жены, обработаны и снабжены кирпичикомъ.
 Изъ историческихъ его работъ, собранныхъ
 въ 1^ю томъ его сочиненій, обращаетъ
 на себя вниманіе статья: „о лишкомъ
 запустѣніи Украины въ нѣмѣстѣ ба-
 тыево и населеніи ея новопришлыми
 народами“. Онъ собираетъ данныя по этому
 вопросу и даетъ отвѣтъ строгіиъ
 въ противоположность Погодину и Соболев-
 скому. Но гораздо болѣе его работа относитъ-
 ся къ русско-русской исторіографіи. весьма
 важная его работа — „историческія письма
 о казакахъ приднѣпровскихъ“. Эта рабо-
 та была вызвана работой Антоновича:
 „исторія казачества до Богдана Хмель-
 ницкаго“. Къ исторіи же казачества отно-
 сятся и такія же характеромъ отличаю-
 ся его „письма о Богданѣ Хмельницкомъ“. Она
 вызвана известной монографіей Костомарова
 о Богданѣ Хмельницкомъ. Максимоновичъ
 указываетъ здѣсь много примѣловъ и, та-

кимъ образомъ, понимаютъ его работу. Зна-
 чительный интересъ представляютъ 2 ра-
 боты Максимовича, посвященные исторіи
 Малороссіи съ половины XVIII столѣтія: „Обо-
 зрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ
 на Украинѣ со времени Богдана Хмельниц-
 каго“ и другая статья: „Будновская сотня“,
 въ которой фиксируетъ знаменитая Ми-
 хайлова гора на берегу Днѣпра, гдѣ нѣсколь-
 ко лѣтъ пролежалъ въ уединеніи Максимовичъ.
 Эта работа, несмотря на нѣкоторое
 присутствіе лирическихъ мѣстъ, не лишена
 значительныхъ достоинствъ. Затѣмъ,
 ему принадлежитъ крупная работа, по-
 священная послѣднему эпизоду изъ исторіи
 гайдамачины — „Сказаніе о копейцѣ“, или
 о гайдамацкой рѣзнѣ. Ко внутренней исторіи
 лѣвобережной Малороссіи относится его кри-
 тика на историческій романъ Кушша „Черная
 рада“. Здѣсь онъ выступаетъ противникомъ
 многихъ мѣстъ въ романѣ, не въ рывѣ въ
 историческомъ отношеніи. Итакъ, дѣйстви-
 тельно, Максимовичъ собралъ много мате-
 ріала, много камня для будущаго зданія
 историко-русской исторіи, даетъ критическую
 обработку матеріала первыхъ рукъ. Пре-
 тій представитель исторіографіи юго-за-
 падной Руси, ученикъ Ивашева и Макси-
 мовича, Владиміръ Гонимратьевичъ
 Антоновичъ. Родился онъ въ 1834 г. въ кiev-
 ской губ., въ польской шляхетской семьѣ.
 16^{ти} лѣтъ отъ роду онъ въ 1850 г. кончилъ 2-ю
 одесскую гимназію и тотчасъ же поступилъ

на медицинскій факультетъ кievскаго уни-
 верситета; но врачамъ, однако, не сообразивъ,
 хотѣя пробывъ на первоначальномъ избранномъ
 мнѣ факультетѣ цѣльмѣ 5 лѣтъ. Въ 1855
 году Антоновичъ перешелъ на историко-фи-
 лологическій факультетъ и отсюда въ 1860
 году вышелъ со степенью кандидата. Первое
 время по окончаніи университета онъ со-
 стоялъ при 1ой кievской гимназіи кан-
 дидатомъ - педагогомъ по латинскому язы-
 ку, а съ 1862 г. по 1865 г., съ небольшими пе-
 рерывами, преподавалъ всеобщую исторію
 въ Кievскомъ Владимирскомъ кадетскомъ кор-
 пусѣ. Въ 1863 г. молодой ученый поступаетъ
 на службу въ канцелярію Кievскаго ге-
 нералъ-губернатора и сначала откоман-
 дировываемая для занятій во временную
 комиссію для разбора древнихъ актовъ,
 но еще въ томъ же году получаетъ въ этой
 комиссіи видное по своей научной отвѣ-
 стности мѣсто главнаго редакто-
 ра, которое до него занималъ извѣстный
 Иванъ Шевъ. Это мѣсто Антоновичъ
 сохранилъ за собою до 1880 г. Въ 1870 го-
 ду онъ за диссертацію: "Послѣдніе вре-
 мена казачества на правой сторонѣ
 Днѣпра" получилъ отъ Кievскаго универ-
 ситета степень магистра русской исторіи
 и вместе съ тѣмъ былъ приглашенъ быть
 доцентомъ русской исторіи, а въ 1878 го-
 ду послѣ защиты докторской диссертаціи
 "Очеркъ исторіи великаго княжества
 Литовскаго" — былъ въ томъ же универси-

тесть избранъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1880 г. по 1883 г. Антоновичъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Съ 1881 г. онъ составилъ предлагаемую Киевскаго историческаго общества "Нестора - летописца."

Учено-литературная дѣятельность Антоновича выразилась въ двухъ направленияхъ.

1. Изсѣдованія и монографіи и
2. Издательская дѣятельность.

Свои изсѣдованія онъ печаталъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и ученыхъ сборникахъ, а потомъ издавалъ отдѣльными оттисками все, что напечатано было первоначально въ "Архивъ юго-западной Россіи", "унив. изв." и "трудахъ географическаго общества". Кроме того Антоновичъ въ 1885 году издавалъ 1 томъ "монографій", въ составъ котораго вошло: 1) очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго; 2) города въ юго-западной Россіи; 3) Паны Ходзки; 4) Киевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XV стол.; 5) очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православнои церкви; 6) Летопись Сетинскаго монастыря. Большое значеніе для русской исторической науки имѣетъ рядъ съ чрезвычайной тщательностью изданныхъ В. Б. историческихъ актовъ и матеріаловъ разнаго рода. Наконецъ, Антоновичъ участвовалъ въ киевской

„Заря“ 1880-1886 г. (редакция м. и. Кулишера)
и поместить статью в „Основа“ (1882)
№1 под заглавием „моя невольность“. Не
велика статья, но это ключ ко
всей деятельности киевского историка,
который, несмотря на свое польское происхож-
дение, всецело себя посвятил служению ма-
iorусскому народу. Это был ястре отшельник
своей разрыв сосредоточен, в которой их свя-
зана только строгость происхождения
ни, и от которой их отталкивал весь
склад их духовной жизни, многие моло-
дые полки юго-западного края, ища
во главе Антоновича и Вадзья Риб-
скаго, приняв в начале 60-х годов
православие. Такое демонстративное
отречение не пришлось, конечно, по вкусу
полякам; нашли даже люди, кото-
рые пустили в ход слово „излишнее“.
Один из них — польский публицист
Надашца в письме к редактору „Осно-
вы“ прямо называл Антоновича „перевер-
женцем“. Но Антонович всего меньше оскор-
бился этим эпитетом. С гордою
подняв в измешенную перчатку и со
всего откровенностью человека, знающа-
го, что у него совесть чиста, ответил
своему обвинителю: „Да, г. Надашца,
вы правы! Я действительно „перевер-
жен“, но вы не взяли во внимание одного обстоя-
тельства, именно того, что слово „от-
ступник“ не имеет само по себе
смысла; что для составления себя по —

нятія о мнѣ, къ которому приложенья Эгої-
 змъ, нужно знатъ, отъ какого, имен-
 но, дѣла человѣкъ отступился и къ ка-
 кому, именно, присѣлъ; иначе слово Эго-
 изма смысла — Эго пустой звукъ. Дѣй-
 ствительно, вы правы. Но воля судьбы я
 родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣ-
 ствѣ мнѣ въ привычки паншечей и дол-
 го раздѣляя въ сословній и національ-
 ной предубѣжденіи людей, въ кругу кото-
 рыхъ воспитывался; но когда пришла
 для меня время самосознанія, я хладно-
 кровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ,
 я взвѣсилъ его недостатки, всю стремле-
 нія общества, среди котораго судьба ме-
 ня поставила, и увидѣлъ, что его положе-
 ніе нравственно безвыходно, если оно не
 откажется отъ своего исключительна-
 го взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ по-
 селателствъ на край и его народность;
 я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живу-
 щіе въ польско-русскомъ краѣ, многіе прези-
 сдаютъ собственной совѣсти только двѣ
 исходныя точки: или помилуй народъ,
 среди котораго они живутъ, проникну-
 тель его интересами, возвратиться къ
 народности, когда-то повинутый имъ
 предками, и неусыпнымъ трудомъ и
 подвигомъ, по мѣрѣ силъ, вознаграждать все
 зло, причиненное ими народу, вскораше-
 мену многія поколѣнія всѣхъ возможныхъ
 колѣнствъ, которому эти посильнѣе
 за потъ и кровь платили презрѣніемъ,

ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности, — или же если для этого не хватитъ нравственной силы, — переселитесь въ землю польскую, заселенную польскими народомъ, для того, чтобы, наконецъ, избавитесь самолюбью предъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колониствую, тоже шантажировать, что и я посредственно или непосредственно (что въпрочемъ все равно) нѣмало чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я зашью непрошеный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу въ лагерь, стремящаяся подавить народное развитіе туземцевъ, и что невинно раздѣляю отвѣтственность за мои дѣйствія. Конечно, я рѣшившая на первое, потому что, сколько ни быль испорченъ шляхетскими воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я знала, котораго горестную судьбу я видѣла въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣли мнѣ шляхтицы, — про чью хату я слышала не одну печальную, раздражающую сердце пѣсню, не одно честное, дружественное слово (хоть я быль и паномъ), не одну трагическую повѣсть о истинной въ скорби и безпомощномъ трудѣ жизни... Который, словомъ, я помнила больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній.

Вамъ хорошо известно, г. Падалица, и то, что предлежитъ, явивъ я рѣшившійся разстаться съ шляхтою и всѣмъ въ правительствѣ достойнымъ, я испробовалъ всѣ три примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крѣстьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, обновленію на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію польско-русскихъ, а не польскихъ того, что польско-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелями, какъ подобныя мнѣмъ возбужденія внакаль свистѣли и свѣхъ, потаивъ гнѣвъ и брань и, наконецъ, лютые доносы и намеки о колѣнвицѣ.

Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или сдѣлать ваше общество: я выбралъ второе и надеюсь, что труды и любовь заслужу когда-нибудь, что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлять съ ними. Надеюсь также, что со временемъ среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу, раньше или позже, стѣнетъ правительнаго потребности не только отгнѣнныхъ мнѣ, какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ осудить свое положеніе и свои обязанности, и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственною совѣстью, дѣлу. Итакъ, г. Падалица, вы правы! Я - перевертень, и я горжусь этимъ такъ точно, какъ я гордился бы въ

Америку, если бы сталъ аболіціонистомъ изъ плантатора, или въ Италію, если бы, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ парикмахера сталъ честнымъ, трудолюбивымъ слугою общенароднаго дѣла."

Научная дѣятельность Владимира Бонифратьевича была посвящена почти исключительно изученію южной и западной Россіи, и съ этой точки зрѣнія онъ долженъ быть названъ провинціальнымъ, областнымъ историкомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Такое направленіе его занятій далеко не случайное, а объясняется условіями его личной жизни и вліяніемъ общественной среды. Важный матеріалъ для характеристики общественныя взгляды В. Б-го заключается въ его отѣтной статьѣ представлено польскихъ тенденцій, 2-ну Нагальницъ (см. выше). Мы только замѣтимъ здѣсь, что Антоновичъ, принадлежавшій по рожденію къ польскому или, правильнѣе говоря, къ южно-русскому ополяченному дворянству; нашелъ въ себѣ нравственныя силы порвать окончательно и безповоротливо со шляхетскими традиціями и возвратиться къ народности, когда-то покинутой его предками, съ тѣмъ, чтобы работать на пользу тѣхъ, которые "никогда вскоринили многихъ поколѣній вымощенныхъ колонистовъ". И вотъ болѣе 25 лѣтъ Антоновичъ неустанно трудится на избранномъ имъ научномъ поприщѣ на пользу русскаго народнаго самопознанія. Первый толчокъ и направленіе

его историческими работами дали Максимовичъ и Иванишевъ. Известно, какое важное значе-
 ние имѣлъ Максимовичъ для своего времени.
 Энциклопедически образованный - ботаникъ,
 филологъ, историкъ, географъ, этнографъ,
 археологъ и поэтъ въ одно и то же время, онъ
 оставилъ глубокий слѣдъ въ изученіи истории
 южной Руси. Отличаясь изумительнымъ
 трудолюбіемъ и рѣдкимъ умѣньемъ раз-
 сѣивать разнообразныя источники, онъ всю
 свою энергію употребилъ, по его собственно-
 му выраженію, на собираніе кирпичей
 для постройки въ будущемъ зданіи южно-
 русской истории. Ему принадлежатъ мысль
 объ открытіи въ Кіевѣ археографической ка-
 тегоріи для изданія памятниковъ южной
 истории; эту исторію разрабатывалъ и онъ
 самъ въ своемъ „Кіевлянинѣ“ и „Украинцѣ“.
 Такой изыскатель не могъ не оказать
 вліянія на молодое поколѣніе историковъ;
 объ этомъ вліяніи свидѣтельствуетъ самъ
 Антоновичъ въ своей рѣчи, обращенной къ
 Максимовичу на 50-лѣтнѣе юбилей его
 въ 1871 г.; здѣсь онъ прямо заявляетъ, что
 Максимовичъ положилъ краеугольный камень
 въ изученіи южно-русской истории (юбилей
 М. Я. Максимовича. Спб. 1872 г.). Характери-
 стическія особенности историческихъ ра-
 ботъ Максимовича - тщательное изученіе
 фактовъ, критика источниковъ, научная
 добросовѣстность и безпристрастіе въ вы-
 водахъ - мы замѣчаемъ и въ изысканіяхъ
 Антоновича. Иванишевъ напечатавъ Анто-

новца на документальное изучение южно-русской истории. Сами Иванышев, как известно, принимал живейшее, непосредственное участие въ изданияхъ кievской археографической комиссии; благодаря ему, основанъ въ Кievѣ центральный историческій архивъ; онъ издалъ важные источники и разработалъ некоторые капитальные вопросы, касающіеся положенія южно-русского общества въ предѣлахъ Руси Гостомитовой; онъ выработалъ планъ и поместилъ начало „Архиву юго-западной Россіи“. Антоновичъ былъ преемникомъ Иванышева по археографической комиссіи и „Архиву“. Въ первый онъ замѣнилъ Иванышева въ должности главнаго редактора, а во второй онъ продолжалъ его работы по извлеченію актовъ, относящихся къ социальной и экономической жизни южно-русского общества въ XVI-XVIII вѣк. Характеръ ученыхъ занятій Антоновича опредѣлился сразу — въ его первомъ изданіи — акты о казачествѣ, извлеченныхъ изъ Кievскаго центрального архива и напечатанныхъ въ „Арх. юго-западн. Россіи“. Уже здѣсь, подобно Иванышеву, онъ выступилъ представителемъ документальнаго направленія въ разработкѣ истории юго-западной Россіи. Необходимость такого, именно, направленія вызывалась двумя важнѣйшими обстоятельствами: съ одной стороны, недостаткомъ количества всѣхъ вообще печатныхъ источниковъ для истории южной Россіи.

(и въ томъ числѣ документальныхъ), а съ другой — особыми политическими условіями, въ которыхъ постоянно находился этотъ западный край. —

Историкъ весьма часто приходится касаясь изъясняться для полноты вопросовъ польскій публицистъ заподозрѣвалъ даже достовѣрность актовъ, изданныхъ кievской археографической комиссіей, несмотря на то что подлинники имъ все могли видѣть въ архивѣ; спрашивается, что же было бы при иной постановкѣ дѣла, если бы, напримеръ, издѣвателемъ русско-русского быта пользовался не официальнымъ, а частнымъ историкомъ (летописцемъ, летописцемъ и т.п.), или же давалъ публикѣ свои выводы съ краткими впечатленіями актовъ въ текстъ? Наконецъ, и вообще необходимо было ознакомить ученый миръ съ цѣлымъ историческимъ матеріаломъ, который, можно сказать, открывалъ новую область русской исторической жизни. Архивистъ и историкъ Анановъ усиленно занимался не менее 15 лѣтъ. Не ограничиваясь кievскимъ центральнымъ архивомъ, онъ предпринималъ поездки и въ другіе города для архивныхъ занятій: въ Москву онъ занимался въ рукописномъ отдѣлѣ Рурицковаго музея и въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, въ Петербургѣ — въ рукописномъ отдѣлѣ Мин. публ. библіотекъ, въ Львовѣ — въ рукописномъ отдѣлѣ Института Восточныхъ. Во всѣхъ этихъ архивахъ было собрано имъ множество разнообразныхъ документовъ. 1ое изъ ^{среды} этихъ принадлежатъ

актамы, напечатанными въ „Архивъ югозапад-
ной Россіи“ / 2 тома актовъ о казакахъ, 1 томъ
о дворянахъ, одинъ о горожанехъ, одинъ о кре-
стьянахъ, одинъ о гайдамакахъ, одинъ объ
учинъ и православной церкви и одинъ о заселе-
ніи Украйны). Все это составитъ въ сово-
купности около 300 печатныхъ листовъ
всѣмъ на цѣннаго матеріала, собраннаго мно-
гими трудами неутомимаго изыскателя;
каждый томъ архива заключаетъ въ себѣ
серію документовъ, освѣщающихъ одну ка-
кую-нибудь сторону быта; конечно, такъ
собираетъ матеріалъ гораздо полезнѣе (но и
труднѣе), чѣмъ просто выискивать то, что
любопытно и интересно въ какомъ-либо
отношеніи. Члѣнство сък. Козловскихъ Андо-
новичъ издавъ грамоты великихъ князей
Литовскихъ; таковы также его изданія
актовъ и грамотъ. Но онъ не остановил-
ся на однихъ документальныхъ источни-
кахъ, а открылъ и напечаталъ крѣпко ю-
го цѣлый сборникъ Метелісей, относящій-
ся къ исторіи западной и южной Россіи,
несколько мемуаровъ (Свѣтлицка, Свѣтлицка-
го, Бальми), издавъ вѣдѣть съ ф. Тернов-
скихъ сборникъ разнообразныхъ матеріаловъ
(отрывковъ изъ Метелісей, актовъ, мемуаровъ,
записокъ иностран.) по исторической геогра-
фіи г. Кіева, а вѣдѣть съ М. Драгомано-
вымъ — 2 книги историческихъ пѣсень мало-
русскаго народа; къ этнографіи, вѣдѣтъ
съ пѣснями, нужно отнести и напечатан-
ное имъ собраніе актовъ о колдовствѣ (не

говоришь ничего о переводах на русский языкъ замѣтокъ Хосеукаго и Заславскаго раввина Натан-Мета-Моше иначе Наповерег). Тамъ нѣмъ образомъ, Антоновичъ не сдѣлался, подобно Иванушеву, жертвою некотораго односторонняго увлеченія актовымъ матеріаломъ, а былъ въ одно въ одно и тоже время и историкомъ, и географомъ, и этнографомъ; географическій и этнографическій его изданія такія же строгіе научныя, какъ и историческій; таково образцовое изданіе „Историческихъ пѣсень малорусскаго народа“. Пѣсни здѣсь распределены по эпохамъ и снабжены чрезвычайно обстоятельными комментаріями, замѣсѣвованными изъ различныхъ, иногда редкихъ и мало извѣстныхъ источниковъ; рядомъ съ основными мотивами приводятся постоянно варианты. Изданіе это было встрѣчено весьма сочувственно русской и даже иностранной критикой. Императорская Академія наукъ наградила издавателей Уваровской преміей; Костомаровъ напечаталъ сочувственный разборъ въ „Вѣстникѣ Европы“, а извѣстный французскій ученый Рамбо познаношилъ свою публику въ этой книгѣ въ „Revue des deux mondes“.

Но Антоновичъ не былъ только издателемъ сырыхъ матеріаловъ; онъ самъ же и разрабатывалъ ихъ; къ каждому тому актовъ, изданнымъ въ „Архивѣ юго-западной Россіи“, онъ присоединялъ исцѣдованіе и содержанія, и, такимъ образомъ, являлуть.

мый рядъ монографій по исторіи казачества, городского сословія, крестьянъ, шляхты, православной церкви. Неудачною нужно назвать только одну изъ этихъ работъ — исторію днѣпровскаго казачества до 1648 г. да и то не всю, а только первую половину ея, трактующую о происхожденіи казачества и первоначальной его судьбѣ. Многія слабья мѣста этого изслѣдованія отметилъ еще Максимовичъ; ошибка автора состояла въ томъ, что онъ преходилъ пунктомъ своего изслѣдованія признавъ мѣтлѣвую и неосновательную гипотезу о князьяхъ Зерининовичахъ; замѣтилъ, что это единственная работа Антоновича, въ которой мы видимъ предвзятую идею. Что же касается остальныхъ изслѣдованій, то все они представляютъ искусственную переработку сырья и даютъ много убогихъ и совершенно самостоятельныхъ выводовъ, прочно установившихся въ наукѣ. Если Максимовичъ приготовлялъ книги для постройки зданія южно-русской исторіи, то Антоновичъ выводилъ уже сѣны и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи даже больше, чѣмъ Иванъ Шевъ; особенную цѣнность имеютъ его изслѣдованія о городарь, крестьянахъ и поселившихся временахъ казачества на правомъ берегу Днѣпра. Выводы, сдѣланные Антоновичемъ въ первыхъ двухъ работахъ, приняты профессоромъ К. Н. Бестужевымъ Рюминымъ, который ссылается о Владимірѣ Бениратѣевичѣ, К. К. Рус. исторіографія 2 г. лекц. пр. Багалъя. Листъ 48

о лучшемъ знатокъ западно-русской стари-
ны. (Рус. Исторія т. II, стр. 89, прим. 135). Что же
касается третьей издидованія, то оно кро-
мѣ того отличается еще и рельефностью
изображенія; здѣсь личность Сем. Палия вы-
ступаетъ, какъ живая. Исправъ въ значи-
тельной степени внутренній бойъ западно-
русскаго обществѣ подъ польскими влады-
чествами, В. Б. Антоновичъ рѣшившій поднять
существенный, капитальный вопросъ объ
образованіи Литовско-русскаго государства.
Сочиненіе это (очеркъ исторіи великаго кня-
жества Литовскаго), несмотря на свой
незначительный объемъ, должно быть при-
знано чрезвычайно важнымъ вкладомъ въ
сокровищницу русской исторіи. Н. П. Дам-
кевичъ, извѣстный своими работами по
исторіи юго-западной руси, напегаая
обстоятельнымъ разборъ книги Антоновича,
составившій какъ бы самостоятельное сочи-
неніе, въ которомъ онъ, между прочимъ,
говоритъ: „Подобно другимъ работамъ ав-
тора и „Очеркъ исторіи вел. кн. Литовска-
го“ до половины XV ст. отличается ориги-
нальностью и полной самостоятельностью.
Выводы автора опираются на строгое
издидованіе источниковъ и являются ре-
зультатомъ тщательной критической
проверки ихъ, и мы имѣемъ теперь на-
чало исторіи Литовско-русскаго государ-
ства, густой прикрасъ и искаженій. Стоя
на чисто научной почвѣ, г. Антоновичъ
оставляетъ въ сторонѣ публицистическія

размаловствованія и полемикѣ съ многими другими учеными и ограничивается строгимъ фактическимъ изложениемъ, отчего трудъ его, конечно, лишь выиграетъ въ достоинствѣхъ. Хотя автору приходится въ большинствѣ случаевъ самому критически осматривать и устанавливать факты, тѣмъ не менѣе масса послѣднихъ не подавила его, и г. Антоновичъ нарисовалъ яркую и рельефную картину постепеннаго образованія литовско-русскаго государства, чрезвычайно удачно сгруппировавъ факты, такъ что послѣдовательное развитіе великаго княжества литовскаго ясно представляется читателю. Представленный лишь очеркъ отличается въ тоже время надлежашей полнотой и основательностью. Въ силу всего сказаннаго, книга г. Антоновича составляетъ одну изъ важнѣйшихъ явленій нашей исторической литературы послѣдняго времени." („Записки по исторіи литов.-русскаго княжества" стр. 6-7). Чтобы познакомиться съ исторической работой Антоновича, необходимо упомянуть о составленныхъ имъ біографіяхъ политическихъ дѣятелей юго-западной Россіи (для изданія профессора Беца); впрочемъ, книга эта предназначена не для ученыхъ, а для публики и представляетъ популяризацію научныхъ данныхъ.

Кроме чисто историческихъ изслѣдованій, Антоновичъ написалъ еще нѣсколько работъ по исторической географіи и этно-

графин. Сказанные другие его статьи: „о Кіевѣ, его судьбѣ и значеніи съ XIV по XVI в.“ и „о колдовствѣ“; въ первой рѣшается важный и спорный вопросъ о мнимомъ запустѣніи Кіева послѣ татарскаго нашествія, а во второй — устанавливается взглядъ южно-русскаго народа на колдовство; основана эта работа на актахъ, собранныхъ самимъ Антоновичемъ, который за нее получилъ отъ импер. Географ. Общ. серебрянную медаль. Въ настоящее время В. Б. Антоновичъ достигъ большой известности и какъ археологъ; онъ принималъ живѣйшее и непосредственное участіе въ 5 русскіхъ областныхъ археологическихъ съездахъ, пригласивъ на 3^х изъ нихъ читать по нѣскольку рефератовъ (на казанскомъ — 4 на одесскомъ — 2, на Ми-дринскомъ — 2). Въ эти рефераты являлись результаты его личныхъ раскопокъ, которыхъ онъ совершалъ по порученію Московскаго археологическаго общества, Императорской археологической комиссіи и предварительныхъ комитетовъ, съзванныхъ. Пожелавъ мѣсяцъ, въѣхавъ кавказскаго отряда, онъ занялся раскопками въ различныхъ мѣстностяхъ южной Россіи — въ Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской Полтавской, Херсонской губер. и на Кавказѣ. Покойнымъ графъ Уваровъ высоко цѣнилъ Антоновича, какъ археолога, и въѣхавъ съ нимъ производить раскопки Фатьяновскаго и Кованскаго могильниковъ. Археологическія работы Анто-

новича отличаются такими же ценными качествами, как и исторический: глубокий изучением фактических данных и постоянными обобщениями, логически вытекающими из обработки материалов; весь его раскладки сопровождался аккуратно веденными дневниками, заключающими в себя точное обозначение найденных предметов; в своих рефератах он нам дает характеристики погребальных типов (древляны, срубляны, тиверцевы). Чтобы составить себе понятие о значении его археологических изысканий, достаточно вспомнить, что граф Уваров в своем известном сочинении „Каменный векъ России“ приписываетъ ему открытие и описание особаго типа нечелъ, жившихъ для женщины первобытнаго человека переходной эпохи (нечелъ въ лѣсу у Виришовскаго монастыря въ Киевѣ). Научныя археологическія изысканія требуютъ многихъ вспомогательныхъ знаний, и Антоновичъ какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ этому требованію: онъ прослушалъ полный университетскій курсъ на медицинскомъ факультетѣ, затѣмъ окончилъ историко-филологическій, спеціально работая не только по исторіи, но и по этнографіи; въ бытность за границей, въ Парижѣ изучалъ антропологию подъ руководствомъ Пюинара; съѣздившійся хранителемъ музеевъ древностей и нумизматическаго кабинета при Киевскомъ университетѣ, въ

теченіи многихъ лѣтъ занимаая приведе-
ніемъ ихъ въ порядокъ и систематическимъ
описаніемъ; наконецъ, у него есть собственная
(правда-небольшая) археологическая комерція.
Неудивительно, поэтому, что и въ иностран-
ной литературѣ нашли себѣ мѣсто от-
зывы объ археологическихъ работахъ Ан-
тоновича. Изъ многихъ критическихъ за-
мѣтокъ (въ „Кіевской Старинѣ“) выделяют-
ся рецензии на сочиненіе г. Буцинскаго „О
Богданѣ Хмельницкомъ“ и на извѣстный
историческій романъ польскаго писателя
Сенкевича „Огнемъ и мечемъ“; А. Н. Тышинецъ
называетъ эту послѣднюю рецензію замѣ-
чательной и приводитъ значительныя вы-
держки изъ ней въ своей недавней статьѣ,
посвященной разбору историческихъ рома-
новъ г. Сенкевича.

Такова обширная и плодотворная на-
учная дѣятельность Владиміра Венифрантъ-
евича Антоновича, которая, къ сожалѣ-
нію, остается недостаточно оцѣненной
въ нашихъ центрахъ, конечно, потому, что
Антоновичъ работаетъ въ провинціи и
печатаетъ свои сочиненія въ лихтенштейн-
скихъ изданіяхъ. Въ 1884 году вышла толстая кни-
га, посвященная исторіи русскаго самосоз-
нанія по научнымъ сочиненіямъ, написан-
ная Петербургскимъ профессоромъ, не ма-
ло работавшимъ по исторіи Западной Рос-
сіи, — и въ ней научной дѣятельности
Антоновича посвящено ровно 4 строчки
(сказано только, что онъ написалъ замѣча-

тельное сочинение „очертъ исторіи великаго кня-
жества Литовскаго“; впрочемъ, и Максимовичъ только упомянутъ въ этой „исторіи“, а
объ Иванюшевѣ не говорится ни слова, имен-
ду тѣмъ они представляютъ особенный ин-
тересъ для изученія исторіи русскаго само-
познанія.

Нельзя не отнестись также къ преподавательской дѣятельности Антоновича; достаточно сказать, что его слушателями и слушательницами написанъ былъ цѣлый рядъ трудовъ, изъ которыхъ потомъ нѣкоторыя были напечатаны. Въ настоящее время Антоновичъ трудится надъ передѣлкой своего сочиненія о Днѣпровскомъ казачествѣ до 1648 года и надъ археологическимъ описаніемъ древлянскій земли. Эти работы войдутъ въ предпринятое имъ собраніе его сочиненій (въ 3-хъ томахъ); 1^й томъ вышелъ еще въ 1885 году; 2^й будетъ заключать все его статьи по исторіи казачества, а 3^й — остальные сочиненія (по исторіи внутренняго быта и археологическимъ). Въ настоящее время Антоновичъ закончилъ археологическую карту Кіевской губерніи. Эта работа очень кропотливая и потребовалась громаднаго трудолюбія и времени. Ему пришлось занести на эту карту нѣсколько тысячъ археологическихъ памятниковъ. Въ этой картѣ приложенъ краткій текстъ, который займетъ, по словамъ Антоновича, 12 печатныхъ листовъ. Обращаясь къ другимъ представи-
телямъ по разработкѣ южно-русской

истории. Можно поименовать целый рядъ
людей, трудившихся надъ разработкой исто-
рии западной и, особенно, южной Руси. Сю-
да нужно отнести известнаго историка
южной Руси Кулиша. Недостатокъ вре-
мени не позволяетъ здѣсь остановиться
на его выдающейся біографіи и дѣятель-
ности. Скажу только, что Кулишъ не былъ
присяженнымъ историкомъ. Онъ — и историкъ
южно-русскій, и географъ, и даже, преиму-
щественно, этнографъ; наконецъ, онъ пи-
сатель и поэтъ. Въ его исторической дѣятельности рѣзко отразилась его личность.
Одинъ изъ его критиковъ выразился: „Укра-
ина — это Кулишъ“. Въ его научной дѣятель-
ности можно отличить нѣсколько со-
вершенно отличныхъ другъ отъ друга пери-
одовъ: древнѣйшій періодъ, когда онъ прекло-
нился предъ козачествомъ, его устройствамъ,
бытомъ; но въ послѣднихъ трудахъ своихъ
онъ явится заклятымъ врагомъ козачества.
Ему принадлежитъ „исторія воссоединенія
Руси“. Этотъ трудъ задуманъ широко, и
если бы онъ былъ законченъ, и изъ него уда-
лены были нѣсколько слишкомъ рѣзкихъ и
субъективныхъ выводовъ, то онъ долженъ
былъ занять очень выдающееся мѣсто.
Воссоединеніе юго-западной и южной Руси
съ Великороссіей при Богданѣ Хмельниц-
комъ собственно представляетъ послѣд-
ній заключительный актъ. До этого вре-
мени было много попытокъ южно-русско-
го народа соединиться съ Великороссіей.

Кушницъ поднялъ этотъ вопросъ очень широко, и въ I томѣ его упомянутой работы мы находимъ очень много матеріала, много цѣльныхъ страницъ, посвященныхъ исторіи заселенія юдино-русскихъ староствъ и воеводствъ до Богдана Хмельницкаго. Въ сиюдоующихъ темахъ мы находимъ цѣлую исторію внутренняго быта юдино-русскаго общества до второй половины XVIII в. Въ настоящее время онъ напечаталъ новый трудъ „Исторію отпаденія Малороссіи отъ Польши“ въ 2-хъ томахъ въ „Том. М. общ. ист. и др.“ за 1887 годъ. Здѣсь продолжается тотъ же вопросъ, какъ и въ предыдущемъ трудѣ Кушницъ; это — новый, весьма тщательный пересмотръ вопроса, отъ автора наблуждается малодоступнымъ и даже недоступнымъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, эта книга не лишена многихъ недостатковъ. Въ ней мы не находимъ ссылокъ на источники, и читатель лишенъ возможности проверить выводы автора, очень оригинальные и субъективные. Онъ какъ бы поставилъ цѣлью опровергнуть все мнѣніе, существовавшее до него въ наукѣ по этому вопросу. Его положенія не оставляютъ камня на камнѣ изъ всего, что сдѣлано до него въ юдино-русской исторіографіи. Его полемика отличается страстностью, горячностью. Къ сожалѣнію, критика не стояла на высотѣ своего призванія, и сочиненія Кушницъ, во всякомъ случаѣ выдающихся, не встрѣ-

русск. исторіогр. 2-й. пекучаго. Багалъа мстѣ 49

тими такой оутики, какой бы онъ заслуживалъ. Въ трудахъ своихъ, написанныхъ уже въ болѣе позднее время, когда исчезло въ немъ преклоненіе предъ старыми формами малорусскаго быта, онъ является совершенно новымъ человѣкомъ и совершенно уничтожаетъ то, предъ чѣмъ раньше преклонялся. Иногда одна его статья стоитъ всего на 2-3 года отъ другой, и выводы его дѣлаются совершенно различными, неизнаваемыми. Сюда нужно причислить извѣстные намъ труды его по русской исторіографіи.

Козловъ. 1ая его работа — „лекціи по литовской или западно-русской исторіи“ — небольшая книжечка. Еще Устряловъ 1ый обратилъ вниманіе на значительный пробѣлъ въ русской исторіографіи по вопросу исторіи литовской Руси, и этотъ пробѣлъ восполненъ Козловымъ. „Лекціи“ его составлены весьма удовлетворительно. Ему же принадлежитъ изслѣдованіе въ той же области: „Литовская церковная унія“ въ двухъ томахъ, въ которыхъ пересмотрѣны все почти литературный матеріалъ, памятники полемическіе, и это сочиненіе, несмотря на нѣкоторый субъективный характеръ, представляетъ цѣнную работу по данному вопросу.

Дашкевичу принадлежитъ рядъ критическихъ замѣтокъ по исторіи литовскаго княжества, вызванныхъ изслѣдованіями Антоновича.

Васильевскому, профессору петербургскаго университета, принадлежит старое сочинение „Историческій очеркъ города Виш-но“. Въ немъ мы находимъ больше, чѣмъ обобщаетъ его заглавіе.

Къ той же области относится и цѣлый рядъ трудовъ лишь, работающих въ Киевскомъ центральномъ архивѣ: Ковицкаго и Левицкаго (о церкви и крестьянствѣ). Затѣмъ слѣдуетъ указать лишь, изучавшихъ исторію южной Руси за болѣе поз-днее время. Съ половины XVII ст. исторія Малороссіи раздѣляется на 2 части: на исторію лѣвобережной Украины (Черни-говская и Полтавская губерніи) и исторію Слободской Украины и исторію Запорожья. Въ послѣднее время довольно вниматель-ному изученію подверглась не только юго-западная Русь, но и лѣвобережная и Сло-бодская Украина. По части изученія лѣ-вобережной Украины является выдаю-щимся дѣятелемъ не присяжный ученый, но частный человекъ, Лазаревскій, обла-дающій замѣчательными критически-ми приемами. Еще въ 1887 г. онъ высту-пилъ съ указаніемъ источниковъ для изу-ченія Малорусскаго края. Къ числу его тру-довъ нужно отнести и цѣлый рядъ моногра-фій, посвященныхъ исторіи старинныхъ малорусскихъ дворянскихъ фамилій, по сѣ названіемъ: „Люди старой Малороссіи“. Эта работа представляетъ вѣдущую по-пытку дать характеристику дѣятелей

въ области управленія и администраціи, а
 также характеристику политиковъ и зем-
 левладельцевъ, имѣвшихъ важное эконо-
 мическое и социальное значеніе, такъ какъ
 на ихъ земли слѣдѣла масса крестьянъ.
 Изучая бытъ этихъ фамилій не только съ
 политической, сколько съ социальной сторо-
 ны, выясняя ихъ положеніе, какъ отдѣль-
 наго сословія, Лазаревскій, болѣею частью,
 приходитъ къ отрицательнымъ выво-
 дамъ. Въѣсто предвѣстныхъ панегириковъ
 въ старыхъ историческихъ трудахъ, у
 Лазаревского, наоборотъ, мы находимъ
 всѣхъ героев развѣнчанными. Такииъ
 образомъ, въ его трудѣ предъ нами высту-
 паетъ картина социально-экономической
 жизни родно-русскаго народа, если не въ
 органическомъ ея процессѣ, то, по крайнѣй-
 шей, въ ея эпизодахъ. Кроме того авторъ
 перѣдко обращается къ изученію не только
 отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ сосло-
 вій. Таково, напримѣръ, замѣчательное
 ео произведеніе: „Исторія малороссійскихъ
 помещиковъ, крестьянъ“. Въ XVII в. до 1783 го-
 да Лазаревскій, пользуется громаднымъ ар-
 хивнымъ матеріаломъ, глубоко изучилъ
 внутренний процесс паденія предвѣстнаго
 боды крестьянъ и усиленія крѣпостного пра-
 ва въ Малороссіи; онъ указываетъ здѣсь на все
 усиливавшуюся зависимость этихъ людей,
 которые раньше пользовались полною
 свободою, но потомъ теряли эту свобо-
 ду въ силу социально-экономическихъ усло-

віи. Ели въ этомъ отношеніи Лазаревскій
слишкомъ много приписываетъ значенію
малорусскаго общества, не обращаая внима-
нія на вліяніе центрального правитель-
ства, то во всякомъ случаѣ его сочиненіе
есть единственный въ своемъ родѣ трудъ.
Въ послѣднее время появилось еще цѣнное
его сочиненіе: „Описаніе старой Малороссіи“.
Эта книга обладаетъ обширными мате-
ріалами; она представляетъ подробное
систематическое описаніе Малороссіи
XVII и XVIII ст. съ внутренней стороны.
Здѣсь собрано много географическаго мате-
ріала, много данныхъ біографическихъ
о вѣдѣ дѣятельныхъ Малороссіи за упомя-
нутый періодъ, собраны полные списки
сотниковъ разныхъ полковъ; между про-
чимъ, мы имѣемъ здѣсь подробнѣйшее
описаніе Стародубскаго полка. Конечно,
нужно ожидать продолженія этого тру-
да. Такимъ образомъ Лазаревскій занима-
етъ видное мѣсто въ русско-русской исто-
ріографіи. Въ дѣлѣ изученія лѣвобережной
Украины выдвинулся Луцкій, профес-
соръ Кіевского университета, но въ своихъ
взглядахъ онъ идетъ слишкомъ далеко. Онъ
выступилъ съ теоріей общиннаго быта въ
Малороссіи, и хотя поднятый имъ вопросъ
о Малорусской общинѣ требуетъ вообще
болѣе капитальнаго изученія, но ему прина-
длежитъ, по крайней мѣрѣ, честь откры-
тія въ Малороссіи поземельной общины.
Изученіе Слободской Украины XVII и XVIII в.

(нын. харьк. г.) отличалось до сих поръ случайнымъ характеромъ. Мы имеемъ отъ него труды Срезневскаго, Квитки и Головинскаго, митр. Филарета (трудъ послѣдняго, главнѣйшій образъ, представляеть сборникъ сырыхъ матеріаловъ и нѣкоторую попытку группировки ихъ). Къ этой же области относятся и МММ труды.

Къ исторіи запорожцевъ относятся труды Скальковскаго. Его можно назвать ветераномъ-историкомъ Малорусскаго края. Ему принадлежит „Исторія новой сѣчи“ въ 3 томахъ: 1, краткій очеркъ Запорожцевъ и главнѣйшій образъ внутренняго быта запорожеской общины вообще; 2, Настоящее обозрѣніе 3го послѣдняго коша запорожцевъ; 3, Исторія послѣдней запорожеской сѣчи. Для этого труда авторъ пользовался многочисленными матеріалами изъ спеціального запорожскаго архива. Такимъ образомъ, понятно, почему исторія послѣдней запорожеской сѣчи разработана авторомъ болѣе подробно и обстоятельно. Но не утратилъ своего значенія и первый его томъ. Здѣсь авторъ воспользовался въ значительной степени документальными источниками, и его характеристика Запорожцевъ относится главнѣйшій образъ къ тому же XVIII вѣку. Кроме документальныхъ данныхъ авторъ пользовался для этой характеристики и цѣлымъ рядомъ разсказами стариковъ-бывшихъ

запорожцевъ, различными преданіями и т. п. Эти рассказы были собраны преосвященнымъ Гавріиломъ со словъ стараго запорожца Леонтія Корда. Этого простой, безыскусственный, но правдивый рассказъ во многомъ дополняютъ писменные свидѣтельства. Рассказы этого запорожца, стоявшаго близко къ дѣлу, не вранья, имѣютъ большую цѣну и рисуютъ намъ бытъ этого оригинальнаго военного товарищества. Для насъ очень важны характеристическія подробности внутренняго быта запорожцевъ, отличающія его отъ городского козачества. Оригинальное управление запорожцевъ, рады и т. п. — все это живо изображено въ рассказахъ Корда. Но книга Скавковскаго, въ свое время оцененная нашими учеными учрежденіями, въ настоящее время имѣетъ значительные недостатки. Она не удовлетворяетъ требованіямъ современной критики и, главнымъ образомъ, не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго изслѣдованія; она — нѣтъ иное, какъ историческое повѣствованіе, имѣющее, правда, массу любопытныхъ подробностей. Особенно это нужно сказать о происхожденіи запорожскихъ казаковъ.

Обращу Ваше вниманіе еще на позднѣйшее изслѣдованіе по исторіи запорожцевъ бывшаго воспитанника Гавковскаго университета Зварницкаго. Я останавливаюсь на немъ, главнымъ образомъ, потому, что въ прессѣ и среди публики случилось по-

чему то болѣе легкое и высое мнѣніе о его
 трудахъ, чѣмъ они того заслуживаютъ.
 Дварницкій извѣстенъ, какъ путешественникъ
 по лѣстамъ бывшей запорожской свѣи, все-
 ма трудолюбивый собиратель археологиче-
 скихъ, топографическихъ и этнографическихъ
 матеріаловъ, весьма трудолюбивый архео-
 логъ и изслѣдователь. Къ содѣланію, способъ
 пользованія этими матеріалами является
 у него очень неудачнымъ. Передъ появленіемъ
 послѣдняго его большаго труда „Запорожье
 въ остаткахъ старины и преданій на-
 рода“, онъ выпустилъ нѣсколько статей по
 географіи и топографіи Запорожья. Эти
 статьи имѣютъ нѣкоторое научное зна-
 ченіе, и если бы авторъ продолжалъ въ
 этомъ родѣ и употреблялъ болѣе крити-
 ческіе приемы, то имѣлъ бы несравненно
 болѣе достоинствъ, но трудъ его представ-
 ляетъ вполне тотъ родъ историческаго
 описанія, который не поддается опредѣ-
 ленію и характеристикѣ. Нельзя его называть
 ни путешествіемъ, такъ какъ въ немъ содержи-
 тся масса археологическихъ и другихъ всевоз-
 можныхъ матеріаловъ, разбланныхъ по
 всей книгѣ; нельзя назвать его и историче-
 скимъ изслѣдованіемъ, такъ какъ масса пу-
 тевыхъ замѣтокъ и личныхъ впечатлѣній
 искажаютъ характеръ историческаго из-
 слѣдованія; нельзя назвать его и собраніемъ
 актовъ. Вообще трудъ этотъ — неудачное
 соединеніе несоединимыхъ видовъ истори-
 ческой литературы. Въ книгѣ его находится

масса указаний на остатки старины, собранный имъ въ теченіи 8 лѣтъ. Этотъ археологическій матеріалъ относится къ XVIII и нѣдко къ XVII вѣку. Кошмы приносятъ большаго значенія его выпискамъ изъ разныхъ синодиковъ, перепечаткамъ разныхъ надписей на памятникахъ, погребальныхъ, на такъ наз. сломикахъ (въ хатахъ), вообще большаго количества археологическими данными, тѣмъ находкамъ, который характеризуютъ домашній бытъ XVII и, главнымъ образомъ, XVIII вѣка: люльки, разные предметы вооруженія и т. п. Мы не совсѣмъ довольны только описаніемъ этихъ предметовъ, — не совсѣмъ научнымъ. Нерѣдко онъ разсказываетъ о своихъ раскопкахъ, и для него достаточно найти одинъ курганъ, чтобы дать въ книгу лѣсто для подробнаго описанія его. Этого, конечно, недостаточно, такъ какъ въ курганѣ есть и большаго древняго наслоенія, гдѣ будемъ имѣть дѣло даже съ древностями до историческими. Подобнаго рода объясненія археологическихъ находокъ не могутъ имѣть мѣста въ книгѣ, подобной изслѣдованію г. Зваринскаго. Даже въ вопросахъ чисто историческихъ онъ нерѣдко впадаетъ въ довольно странныя ошибки. Такъ, наприм., онъ относитъ походъ князя Вал. Вал. Болшана въ Крымъ ко времени царствованія Елизаветы Петровны. Итакъ, мы не совсѣмъ довольны характеромъ описанія остатковъ старины и тѣмъ, что они разбросаны

по всей книге, безъ всякой системы; вообще
нужно сказать, что книга эта не имѣетъ
плана, или върнѣе — этотъ планъ спутанъ.
Другаго рода матеріалъ, которымъ пользо-
вался г. Звариницкій — это народныя пре-
данія, собранныя здѣсь въ значительномъ
количествѣ, и если бы авторъ собралъ ихъ
въ отдѣльной книгѣ, или выдѣлилъ въ при-
ложеніи, то этотъ матеріалъ имѣлъ бы
большое значеніе; но у Звариницкаго онъ имѣ-
етъ печальную участь: собранныя имъ пре-
данія служатъ ему для изображеній худо-
жественныхъ картинъ; но его живопись, къ
сожалѣнію, скорѣе китайская; онъ пользу-
ется народными преданіями не для харак-
теристики народного міровоззрѣнія, а
чтобы пополнить или, а иногда и прямо
замѣнить отсутствіе негативныхъ актовъ
и графотъ; а между тѣмъ эти преданія,
не равноценныя по достоверности дру-
гимъ матеріаламъ, неодинаково досто-
верны даже по отношенію другъ къ другу.
Авторъ очевидно стремится часто къ ху-
дожественности изображеній, но онъ по-
нимаетъ эту художественность своеобразно;
эта художественность явится у него ско-
рѣе простой риторикой. Онъ часто дѣла-
етъ лирическія отступленія, скорбитъ о
прощающъ горѣ и радостяхъ малороссіи,
— и мы противъ этого ничего не имѣемъ,
но къ сожалѣнію, такихъ отступленій
очень много, и они напоминаютъ по замы-
слу, но только по замыслу, а не по исполненію,

лирический отступлений Тогола. Но г. Зварницкий не довольствуется прозой въ стихахъ; онъ нередко прибѣгаетъ къ стихамъ, но, къ сожалѣнію, къ стихамъ въ прозѣ. Стремленіе автора къ риторикѣ иногда превращается въ преувеличеніе и даже увлекаетъ его въ область фантазіи. Такъ, напримеръ, онъ рассказываетъ о переправѣ черезъ Днѣпръ у пороговъ, о всѣхъ опасностяхъ, объ ужасахъ этой переправы, о томъ, какъ ему передавали, что здѣсь ежедневно гибнетъ по водѣ по нѣскольку труповъ, и какъ онъ самъ видѣлъ эти трупы, при чемъ обозначаетъ даже ихъ число. Одно лицо, серьезно интересующееся запорожской исторіей, крайне заинтересовалось этими фактами, обратилось въ Екатеринославскій и Херсонскій статистическіе комитеты съ просьбой доставить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, и по доставленнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что на всѣмъ пространствѣ пороговъ было наймано за извѣстное время гораздо меньше труповъ, чѣмъ было у Зварницкаго въ одно и то же время переправы. Художественныя до нѣкоторой степени попытки, къ сожалѣнію, увлекаютъ его въ невѣроятные рассказы, и наряду съ этими мы видимъ у него большую точность въ нѣкоторыхъ описаніяхъ. Проверка топографическихъ данныхъ у него невозможна, но авторъ самъ даетъ нѣкоторые средства для проверки. На этомъ я оканчиваю разборъ книги г. Звар-

ни, каго, но и то, что сказано, не исчерпывает и десятой доли того, что можно было бы сказать. Намъ не менѣе за авторомъ нужно признать большое трудолюбіе, большую настойчивость въ преслѣдованіи своихъ цѣлей.

Намъ не упомянуты еще два выдающіеся современные историка Бестужевъ-Юминъ и Уловайскій, но на нихъ едва ли нужно останавливаться — труды ихъ всѣмъ извѣстны. „Русская исторія“ Бестужева-Юмина имѣетъ большое значеніе, должна считаться главнымъ пособіемъ и настольною книгою каждаго преподавателя по русской исторіи. Бестужевъ-Юминъ извѣстенъ, кромѣ того, цѣлымъ рядомъ статей по русской исторіи и историографіи. Таковы его „Біографіи и характеристики“, которые хотя не всѣ обстоятельны, но заслуживаютъ вниманія. Затѣмъ, въ „Московскомъ обозрѣніи“ помѣщена его статья „о современномъ состояніи русской исторіи, какъ науки“. Уловайскому принадлежитъ тоже „Русская исторія“. Она не даетъ намъ какихъ-нибудь оригинальныхъ выводовъ, но благодаря талантливому изложенію, книга эта займетъ видное положеніе въ наукѣ. Ее не нужно разсматривать, какъ научное изслѣдованіе, а какъ полное, систематическое, прагматическое изложеніе русской исторіи. Она стара-ется принимать во вниманіе сущест-

вущія въ литературѣ возрѣнія, и въ
 этомъ отношеніи книга его имѣетъ
 нѣкоторое преимущество передъ истори-
 ей Соловьева. У Шовайскаго мы находимъ
 богатѣя бібліографическія и литератур-
 ныя указанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,
 правда, мы находимъ недостаточно подроб-
 ное изложеніе внутренняго быта. Зато мы
 должны отдать ему честь въ томъ, что
 его исторія есть исторія всей Россіи, тогда
 какъ предъидущіе историки игнориро-
 вали юго-западную Русь. Въ этомъ от-
 ношеніи онъ вполне самостоятеленъ и
 стоитъ на уровнѣ современныхъ тре-
 бованій науки. Отличіемъ еще одну особен-
 ность этой книги: онъ придаетъ важ-
 ное значеніе географическому элементу въ
 русской исторіи. Въ томъ же, подобно
 Костомарову, самъ поставилъ мѣтаваж-
 нѣйшіе событія и, поэтому, описанія
 этихъ мѣстъ отличаются живостью.
 Его „Поисканія о началѣ Руси“ заслу-
 живаютъ вниманія только критическою
 своей стороною, а положительная ихъ
 сторона (напримѣръ, о славянствѣ Рус-
 новъ) не состоятельна.